

его детали (например, ношение особых повязок или платка наизнанку) для городских условий неприемлемы. В сельской же местности траур соблюдается в соответствии с традиционными нормами.

В заключение нужно отметить, что разработка темы «Погребальный обряд» весьма перспективна в современных условиях, во всяком случае, на материале обских угров. Во-первых, хорошо сохраняются его традиционные черты, углубленное изучение которых способствует решению нескольких вопросов: выявлению локальных особенностей культуры, путей формирования погребальной обрядности конкретных групп, определению общего и особенного в этой сфере у разных территориальных и этнографических групп хантов и манси. Во-вторых, имеется возможность проследить те изменения в обрядности, что произошли на протяжении второй половины XX в., обозначить обусловившие их причины. В-третьих, из-за того, что в последние годы, после прекращения преследований за религиозные убеждения и действия, информанты стали более открытыми, можно выявить многие мировоззренческие аспекты, связанные с погребальным обрядом.

В.А. Кисель

МОНГУН-ТАЙГИНСКИЙ ВАРИАНТ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ТУВИНЦЕВ

Исследование проведено при финансовой поддержке
Научной программы СПб НЦ-2006 г.

Данная работа продолжает публикацию материалов по современной похоронно-поминальной обрядности тувинцев [Кисель, Торгоев 2005: 146–153].

Коренные изменения в культуре Тувы, произошедшие во второй четверти XX в. (оседание тувинцев на землю, ломка традиционного уклада, массовый приток представителей русскоязычного населения, распространение атеистического мировоззрения), отразились на погребальном обряде. В результате давления советских органов власти возобладала ингумация. Впрочем, наземный способ похорон (наиболее популярный до установления Советской власти) эпизодически просуществовал до 1950-х гг.

Общегражданский погребальный ритуал приобрел в отдаленных районах республики своеобразные черты, распадаясь на локальные варианты.

Монгун-Тайгинский кожуун, расположенный на юго-западе Тувы, занимает труднодоступную горную территорию, крайне бед-

ную лесом и отличающуюся суровыми климатическими условиями. Он граничит с Монголией и Республикой Алтай. Еще в «досоветский» период похоронно-поминальная обрядность здешнего населения отличалась от общетувинской. Вынос покойного из юрты происходил до восхода солнца. Доставка умершего к месту погребения осуществлялась с помощью волокуш [Дьяконова 1975: 55]. Покойника укладывали на землю головой в сторону созвездия Большой Медведицы. Покойного расчленили: отрезали конечности. Погребение отмечалось белым валуном. Из поминальных блюд были исключены алкогольные напитки.

По-видимому, такие ритуалы, как ранний вынос трупа и ориентировка на Большую Медведицу, были почерпнуты у монголов.

Распад СССР и изменение государственных структур отразились на обрядовой жизни Тувы. Перемены затронули и монгун-тайгинский ритуал. Проявились многочисленные заимствования из русской погребальной традиции, причем адаптированные к местным обычаям. Например, широко известный обычай занавешивания зеркал (а также телевизора) в доме покойного распространился и на окна. По всей видимости, здесь сказалась старинная традиция южных тувинцев закрывать белым материалом дверь и дымовое отверстие в юрте умершего [Там же: 52, 97].

Общие места захоронений — кладбища, созданные в Туве сравнительно недавно (1920–1930-е гг.), в южных районах приобрели семейно-родовой характер: несколько компактных скоплений могил, разделенных свободным пространством. В Монгун-Тайгинском кожууне наиболее показательным является п. Кызыл-Хая, близ которого находится 10 кладбищ (по 15–30 могил). Возродился обычай устройства детских захоронений в отдельных удаленных местах. Например, в п. Мугур-Аксы имеется два детских кладбища, отделенных от двух взрослых на 0,5 и 1,5 км.

Могилы в Монгун-Тайге из-за тяжелых каменистых грунтов выкапываются неглубокими. По сложившимся представлениям, покойникам старше 80 лет полагаются могилы глубиной около 80 см, умершим до этого возраста — только около 60 см. Детские захоронения нередко устраиваются на глубине 10 см.

Неукоснительно соблюдающееся «русское» правило обтяжки гроба материей в последние годы несколько видоизменилось под влиянием буддизма. Как считает местное население, цвет обивки должен соответствовать году рождения покойного, поскольку в буддистском календарном цикле каждый год отмечен определенным цветом. Это настолько важно, что даже в случае использования привозного гроба со стандартной красной или черной обтяжкой кусок ткани требуемой окраски используется в качестве дополнительного савана.

Показательно неприятие местными жителями гробов из оцинкованного железа, в которых доставляют на родину погибших военнослужащих. Тело, привезенное в таком гробу, на кладбище перекладывается в деревянный и в нем погребается. «Цинк» остается рядом с могилой.

«Русский» обычай одевать умершего в новый или мало поношенный костюм монгун-тайгинцы несколько видоизменили. Наиболее предпочтительным считается, чтобы погребальное одеяние было без пуговиц, украшений, кантов и лацканов.

В последние годы в Туве для прощания с умершим стали активно привлекаться ламы, шаманы и люди, «видящие духов». В Монгун-Тайгинском кожууне в начале перестройки доминировали ламы, сейчас они утратили главную роль, и похоронами, поминками руководят шаманы.

Прощаться с покойным обычно приходят практически все взрослые жители поселков (за исключением «нетипичных» случаев — суицид, убийство). Каждый прибывший вручает всем присутствующим по сигарете, получая в ответ такую же. Дети, редко участвующие в похоронах, сигаретой не одариваются. Эта процедура, очевидно, восходит к старинному обряду обмена при встрече табаком и курительными трубочками.

Повсеместно тувинцы продолжают «кормить» духов и «душу»/двойника усопшего. «Кормление» выражается в окроплении молоком или соленым молочным чаем и обсыпании зернами злаков места погребения. Сюда же входит разведение перед могилой сакрального костра либо сооружение курильницы, в которых сжигаются сухие ветки можжевельника. Однако монгун-тайгинское население в последнее время игнорирует большинство этих действий, практикуя только окуривание захоронения зажженной веткой можжевельника и обсыпание могильного холмика ячменем, смешанным с раскрошенным можжевельником.

Установилось правило, согласно которому перед опусканием гроба в могилу представитель местной администрации зачитывает некролог. Скорее всего такое нововведение послужило заменой отходной молитвы или шаманского гимна-заклинания. Текст некролога, написанный на бумажном листе, обычно кладется в гроб возле головы покойного, аналогично тому, как поступают русские с записью «подорожной» молитвы.

Тувинцы продолжают снабжать умершего сопроводительным инвентарем. В гробу в изголовье помещаются головной убор, платок, расческа, продукты, иногда обереги. Девушке или молодой женщине могут положить губную помаду, мужчине — бритвенный станок, одеколон, пачку сигарет. С недавних пор в качестве подношений стали фигурировать бутылки с вином (женщине) или

водкой (мужчине). При этом бутылки должны быть открыты. По всей видимости, эти нетипичные «дары» были заимствованы из русскоязычной среды [Зеленин 1991: 348]. В монгун-тайгинских поселках обычай выступает в компромиссном варианте. Местные жители наливают алкогольные напитки в аптечные, парфюмерные пузырьки и закручивают их пробкой.

Общепринято оформление могилы в виде невысокого уплощенного, продолговатого холмика. И хотя в Монгун-Тайге, как и в других районах, самым распространенным типом является обыкновенная грунтовая насыпь, очень часто встречаются холмики, обложенные целиком или по периметру небольшими валунами, плитняком. Нередко они обтягиваются вокруг и крест-накрест траурными лентами.

Значительные изменения произошли с обликом намогильных памятников. В советский период в Монгун-Тайгинском кожууне встречались вертикально вкопанные камни-стелы, что, должно быть, являлось продолжением древнетюркской традиции. Последние 20 лет их уже не устанавливают. Наиболее характерными памятниками стали вытесанные из бревна или сколоченные из досок вытянутые усеченные пирамиды (иногда просто доска, затесанная с двух сторон под углом). Навершием до конца 1990-х гг. служила пятиконечная звезда. Теперь в Монгун-Тайге наиболее популярны пятилепестковые розетки, повторяющие форму герба республики, трехступенчатые пирамидки — образ буддисткой ступы и фигурные символы буддизма (Инь-Ян, полумесяц со звездами, полумесяц с солнечным диском).

Отдельным типом памятников, встречающимся только в здешних краях, являются вертикальные трапециевидные плиты, сколоченные из досок и обитые оцинкованным железом. Они сооружались непродолжительное время — с середины 1980-х до 1993 г., вероятно, до смерти мастера.

С недавних пор на памятнике размещается портрет умершего, выполненный на эмали или в виде фотографии в рамке, закрытой стеклом либо затянутой куском полиэтилена. Нередко монгун-тайгинцы используют вместо рамок корпуса круглых настольных часов.

Важным признаком последних лет стали металлические изображения лошадей, укрепленные на некоторых памятниках. Не ясно, что послужило причиной их появления: историческая память о некогда обязательных сопроводительных захоронениях коней, буддистский «конь-ветер» или представления о духовном помощнике в облике лошади.

Перенятый тувинцами от русскоязычного населения обычай возведения могильной изгороди постепенно начал приобретать значение важного погребального атрибута. Ограды сколачиваются из

досок (иногда от магазинных ящиков) и свариваются из металлических труб и арматуры. Поскольку в Монгун-Тайгинском кожууне часто дуют сильные ветра, загородки снаружи обкладываются крупными камнями. Наибольший интерес представляют металлические украшения оград, отражающие профессиональную деятельность покойного. Так, на ограды могил скотоводов прикрепляются фигуры различных видов скота, милиционеров — щита и меча, врачей — змеи и чаши, трактористов — трактора, шоферов — КАМАЗа, музыкантов — скрипичного ключа, художников — палитры с кистью, учителей, студентов и школьников — раскрытой книги (иногда с алфавитом, химическими или математическими формулами), спортсменов-борцов — человека, исполняющего традиционный танец орла.

Подношения, выкладываемые на могилу, в целом не изменились. По-прежнему они представлены в основном продуктами: молоко, чай с молоком, спиртные напитки, зерна ячменя, сухой можжевельник, печенье, конфеты. На погребениях мужчин можно увидеть сигареты. Но бывают и исключения. Например, на отдельных могилах п. Мугур-Аксы лежат рог марала, пластмассовая игрушка-рация, сломанный деревянный костыль, в п. Кызыл-Хая — керамический кувшин в виде карикатурного крокодила, пластмассовый сувенир — цветок в горшке.

Последние десятилетия считается обязательным наличие на похоронах спиртного. По причине резкого сокращения поголовья крупного рогатого скота в Туве национальный напиток — молочная водка — встречается все реже и реже. Основными алкогольными напитками стали «русская» водка и спирт.

Практикуемый до сих пор в других районах Тувы обычай курения над могилой в Монгун-Тайге не известен.

Заключительный этап похорон практически остался неизменным. Как прежде, родственники и друзья покойного троекратно обходят могилу по направлению движения солнца. Случается, что и машины траурного поезда объезжают захоронение по кругу и сигналият.

По возвращению с кладбища все участники похорон окуривают себя тлеющими ветками можжевельника и совершают очистительное омовение рук и лица водой, смешанной с молоком и раскрошенным сухим можжевельником. Прежде основой смеси нередко выступала вода целебного источника [Дьяконова 1975: 59, 106].

Поминальная трапеза является обязательным ритуалом. Если 20 лет назад монгун-тайгинцы сохраняли традиционный кулинарный набор — соленый чай с молоком, молоко, вареная баранина (наиболее сакрализованым считалось мясо с большеберцовой кости, двух нижних ребер и позвонка [Соломатина 2000: 231]),

сыр, топленое масло, теперь появились салаты, консервы, печенья, овощи и фрукты.

Окончательные проводы «души»/двойника умершего, происходящие на 49-е сутки после смерти, устраиваются под руководством шамана. В целом они схожи во всех районах Тувы. Но в Монгун-Тайге наиболее полно сохранился заключительный этап обряда, когда шаман на остывшей золе сакрального костра отыскивает следы. Согласно поверьям, если двойник мертвеца уходит пешком, то след будет напоминать отпечаток босой человеческой ступни. В случае же отправления на каком-нибудь животном останется отпечаток лапы зверя или ноги птицы. Наличие следов служит подтверждением, что покойный окончательно ушел в загробный мир.

Следует отметить, что население Монгун-Тайгинского кожууна бережно относится к традиционным обычаям, стараясь сохранить остатки национальной культуры. Однако и здесь в молодежной среде фиксируется утрата ряда основополагающих тувинских традиций — культа предков и веры во вредоносное влияние мертвецов. Так, в 2003 г. на кладбище п. Мугур-Аксы подростки устроили «тир», обкидав камнями таблички и портреты на надгробных памятниках.

В настоящий момент могун-тайгинский погребальный обряд видоизменяется. В новых исторических условиях он утратил многие элементы общегражданского ритуала, возродил часть архаических черт и стал активно адаптировать новации из русскоязычной среды, тем самым проявляя яркую локальную специфику.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Кисель В.А., Торгоев А.И. Тере-хольский вариант погребального обряда южных тувинцев // Радловские чтения 2005: Тезисы докладов. СПб., 2005. С. 146–153.

Соломатина С.Н. Символическая культура народов Южной Сибири: кулинарный код ритуала // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы IV Сибирских чтений. СПб., 2000. С. 231.